

— Если ты будешь идти вперед, не считаясь с чувством ответственности, то потом сильно пожалеешь об этом.

Сострадание. Ответственность. Что это, черт возьми, было?

Неприятное чувство, которое не покидало его с той ночи, когда он увидел шрамы на ее ключице, было просто состраданием?

Блеклые жестокие отметины на ее теле... Она выглядела так, будто могла сломаться даже при небольшом давлении. И эта девушка заставляла стечь кровь в его жилах. И это просто чувство ответственности по отношению к ней?

Ее вид, когда она плакала на конюшне, встревожил его разум.

Что? Когда? Почему?

Он вспомнил, что она сказала у пруда Ангванского дворца.

— Ты можешь ударить меня.

Сначала он думал, что она просто пытается спровоцировать его и расстаться.

Но со временем он почувствовал, что что-то в ней становится все более странным, что-то в ней меняется.

— Я люблю тебя.

Он не мог даже рассмеяться. Что она подразумевала под этим признанием? Она ведь была испугана словно кролик.

Как она могла сказать, что бить ее — это нормально?

Это не было вопросом влюбленности.

Трудно было точно определить, что это такое. Чем больше он смотрел на нее, тем больше он чувствовал в ней ребенка, а не восемнадцатилетнюю женщину.

Не в смысле незрелости или невинности, а в смысле беспомощности.

Она была не в том положении, чтобы так унижаться. Она была принцессой Романьи, а не

какой-нибудь женщиной из простой семьи.

И все же она вела себя так.

Чего она так боялась? Чего она хотела?

Похоже, она и сама не знала, чего хочет, так откуда ему знать?

И все же, она призналась в любви по глупости.

С тех пор, как он стал паладином, он видел бесчисленное множество людей, которые были беспомощны и не в себе.

Внешне они выглядели вполне нормально, но при этом по-разному сходили с ума.

Тем не менее, в данном случае он никогда не видел никого схожего на нее.

Только потому, что она встретила одного или двух сумасшедших мужчин, она не зашла бы так далеко.

Более того, Рудбекия даже никогда не жила с ними.

Все ее бывшие женихи были известными. Однако и они отставали от власти Борджиа.

Айзек никогда не встречался с семьей своей жены, но он знал, что Рембрандт Альфонсо, ставший евнухом, был не из тех, кто прикасается к женщинам.

Тем не менее, прежде чем испытать величайшее унижение как мужчина, он передал свое наследство кардиналу Валентино.

Этот умный придурок.

Чрезмерно умный придурок.

Кто сделал дочь папы римского такой?

Кто до такой степени сломил дорогую сестру кардинала Валентино?

Был ли кардинал Валентино тем человеком, который сломил собственную сестру до такой

степени?

Проклятье, он должен просто притвориться, что не знает. Как всегда, такие раздражающие вещи заставляли его врасплох. Все было бы просто, если бы он закрывал глаза на обстоятельства других людей.

Но тогда, что было источником этого гнева, бурлящего в нем?

— Я помню, что просил ей ничего не говорить.

— Знал ли я, что после этого она убежит?

Не было необходимости читать мысли его отца. С самого начала этого брака намерения герцога были совершенно очевидны.

— Если бы я знал, что она так поступит, я бы не допустил этот брак с самого начала!

«Брат!»

— Пожалуйста, прости меня!

«Я согрешил и заслуживаю смерти!»

Вид слуги, посиневшего от нехватки воздуха и молившего о прощении, был жалок.

Задыхающийся под его хваткой рыцарь превратился в адское зрелище.

Его оправдание — наглая чушь, мол, он думал, что Рудбекия останется в храме надолго, и забыл, как она выглядит.

— Было бы несправедливо, если бы я убил только тебя, когда вы все вместе были халатны.

— Г-герцог, пожалуйста, простите меня...

— Молитесь, чтобы моя жена благополучно проснулась. Если она не поправится, вам всем не жить.

После возвращения Рудбекии, он провел несколько ночей на полу рядом с ее кроватью.

Никакой особой причины, почему он так поступил не было. Он просто хотел чувствовать и слышать ее дыхание.

«Спаси меня, спаси...»

Она была проклятой женщиной. Было бы гораздо лучше, если бы она была порочной и эгоистичной женщиной, как гласила молва.

Если бы она не была такой милой, он мог бы отправить ее на борт после первой же встречи.

Если бы она была женщиной, которая предпочла бы воспользоваться им... Если бы она была женщиной, которая выставяла все напоказ... Все было бы гораздо проще.

Если бы она была женщиной, которая любит, когда ее балуют, или если бы она была обычной женщиной...

Ему не было бы так больно.

В толстом ледяном барьере, возведенном за долгие годы, появилась трещина.

Как даже самый сильный лед тает под лучами весеннего солнца, так и его холодный и простой мир рушился.

— Айзек?

В целом, все это было очень раздражающим.

<http://tl.rulate.ru/book/96827/2371057>